

Жене Марии и дочери Полине

Пролог

Когда опытный гид смотрит на вроде бы уже такую близкую заснеженную вершину на фоне чистого синего неба, и среди острых белых пиков до самого горизонта не видно ни облачка, а за спиной у него нетерпеливо ждут готовые на подвиги подопечные, и лишь слабо различимая беловатая полоса, словно невесомое призрачное кольцо, опоясывает самую верхушку горы, — он должен, основываясь на своем опыте, на своем чутье, которое не раз оказывалось точнее любых метеопрогнозов, принять единственно верное решение: продолжить или прекратить восхождение. Погода «миллион на миллион», едва заметный ветерок, под ногами — надежный фирн, готовых обрушиться снежно-ледовых карнизов или скоплений снега в кулуарах не заметно. Но — «гора вывесила зеркало». И гид уводит разочарованную, обозленную, ничего не понимающую группу вниз. Уводит, потому что доверился интуиции, потому что не захотел брать на себя ответственность, которая потом может лечь на плечи тяжким грузом. И, возможно, уже через несколько часов, в базовом лагере, защитив балаклавой и маской лицо от секущего снежного крошева, на бешеном ветру пытаясь установить рвущуюся из рук палатку, он бегло взглянет в ту сторону, где во

всей красе должна бы предстать непройденная группой вершина, но увидит лишь плотную белесую муть пурги и подумает, что, возможно, сегодня ему удалось спасти чью-то жизнь, хотя, уводя людей вниз, он сомневался в правильности своего решения.

Когда менеджеру крупной корпорации неожиданно предлагают подняться на принципиально новый уровень, войти в круг общения с такими людьми, о знакомстве с которыми он не мог даже и мечтать, стать посвященным в непубличную сторону деятельности компании, с тем, чтобы, в конце концов, самому возглавить масштабный бизнес, то, при всей очевидной привлекательности такого предложения, чутье переговорщика и жизненный опыт должны подсказать ему правомерный вопрос: «А чем мне придется заплатить за столь феерический взлет карьеры?» Потому что ничего в жизни не дается даром, и в нагрузку к высокому статусу, громадным доходам и удовлетворенному честолюбию он неизбежно получит моральную и юридическую ответственность за такие аспекты деятельности компании, о каких предпочел бы вообще ничего не знать...

Когда ты в блаженном одиночестве сидишь за столиком придорожного кафе и любишься открывающимися видами, умиротворенно размышляя о радужных карьерных перспективах, о целях — уже достигнутых и тех, более амбициозных, которые теперь можно поставить, — о всевозможных приятных мелочах и необременительных заботах, и вдруг видишь перед собой незнакомую девушку, один взгляд на которую ясно дает понять, что она попала в нешуточную беду, — чутье безошибочно подскажет, что сейчас тебе придется сделать, может быть, один из самых непростых в жизни выборов. Ты понимаешь, что девушка, если дать ей такую возможность, с готовностью поделится с тобой

своими проблемами, переложит на тебя часть своей ноши, не спрашивая, готов ли ты это нести. И еще ты понимаешь, что именно сейчас, в момент, когда в твоей жизни совершаются столь приятные перемены, эта ноша и связанные с ней неожиданные заботы окажутся совершенно некстати, смогут помешать едва открывшимся перспективам, задержать их воплощение или вообще перечеркнуть. Но у тебя всегда есть право выбора. Можно, например, старательно глядя в сторону, пробормотать что-то вроде: «Извините, девушка, я спешу», — и новые впечатления насыщенной жизни вскоре развеют в душе неприятный осадок от случайной мимолетной встречи...

Макс никогда не верил в приметы и всегда игнорировал предчувствия. Даже многолетние занятия альпинизмом, когда слово «последний» все вокруг привычно заменяют словом «крайний», даже тот случай, когда совершенно необъяснимое сиюминутное побуждение однажды заставило его пойти более трудным и длинным обходным маршрутом, избежав в итоге схода серьезной лавины, — ничего из этого не смогло приучить его смотреть в зеркало при возвращении домой за забытой вещью, стучать по дереву или останавливаться при виде пересекающей дорогу черной кошки.

Макс вообще не был склонен анализировать задним числом события, доискиваться причин произошедшего, копаться в мотивах своих поступков или сожалеть об упущенных возможностях. Иначе он бы обязательно запомнил, как приглашение шефа прокатиться с ним на закрытую тусовку сильных мира сего на элитной турбазе в Горном Алтае, откуда Максиму предстояло вернуться фактически вторым человеком корпорации, вызвало не только восторженное предвкушение, но и ощущение тоскливой обреченности, пусть и слабое,

однако совершенно неуместное. Наверно, это и было то предчувствие опасности — приобретенное в горах или врожденное, — которое подсказывало ему, что, по всем правилам русских горок, за крутым взлетом может последовать не менее крутое падение, но Макс привычно быстро погасил в себе столь несвоевременные и смутные сомнения. А потом у него не было времени размышлять, как круто может изменить судьбу однажды сделанный выбор.

В любом случае он свой выбор сделал.

И потом ни разу об этом не пожалел.

Глава 1

— Здравствуй, Максим! Проходи, присаживайся. Да не туда, в кресло садись, разговор у нас с тобой сегодня получится долгий и обстоятельный, так что устраивайся. А это что у тебя?

Слегка удивленный, Макс обошел массивный стол для совещаний, опустил в одно из двух черных кресел в углу кабинета и положил на низкий журнальный столик тонкую кожаную папку.

— Это, Валерий Гаврилович, некоторые дополнительные данные по Забайкальскому ГОКу. Я сегодня выслал вам файлы с финансовым расчетом и оценкой рисков, подготовил свои соображения по этому поводу. Собственно, перед тем, как вы меня вызвали, я сам хотел инициировать встречу. В двух словах положение такое: с учетом новых, известных вам обстоятельств аналитики произвели перерасчет собственных прогнозов по трем сценариям и переслали результаты финансистам. Ситуация серьезно изменилась. Финансисты считают, что при пессимистичном сценарии, вероятность которого, кстати, аналитики оценивают теперь в пятьдесят пять процентов, китайских денег может не хватить, привлечение же дополнительного финансирования через выпуск облигаций или банковские кредиты для нас

сейчас обойдется дорого, в результате срок окупаемости всего проекта и выход на операционную рентабельность...

— Погоди, Максим.

Запнувшись, Макс посмотрел в спину Дарганова, который стоял у огромного панорамного окна, заменяющего одну из стен кабинета, и, казалось, задумчиво изучал вид вечерней Москвы, открывающийся с двадцатипятиэтажной высоты.

— Присланные файлы я видел. Верю, что соображения твои толковые. Обсудим их... позже. К китайцам делегацию отправим, презентацию им подготовишь грамотную. Деньги я найду. К Рыжему придется на поклон идти, больше сейчас ни с кем не договориться. В общем, все это может подождать. До совета директоров полтора месяца. Я хочу, чтобы за это время ты подобрал себе достойную замену и успел обстоятельно и не торопясь передать дела. — Дарганов обернулся. — Я снимаю тебя с проекта Забайкальского ГОКа. Можешь кого порекомендовать на свое место?

Потрясенный Макс молча уставился в спину вновь повернувшегося к окну шефа.

Строительство крупного горно-обогатительного комбината являлось пусть не самым масштабным, но уж точно самым громким и раскрученным проектом корпорации. Стройку торжественно запустили год назад, мероприятие прошло шумно, с большим количеством прессы, федеральных и региональных чиновников, с длинными речами и закладкой первого кирпича самим премьером под объективами телекамер.

Узнав, что его назначили куратором известного всей стране проекта, окрыленный Макс почувствовал себя человеком, который вытащил наконец счастливый билет. И даже Вика, обычно реагирующая на любые

карьерные успехи мужа с пренебрежительным скепсисом, на этот раз снизошла до слегка насмешливого, но почти благожелательного комментария: «Ничего так папусик тебя двинул».

Ощущение, что все идет не совсем так, как он представлял, вступая в должность, появилось у Макса почти сразу. Финансирование проекта предусматривалось щедрое, в пул инвесторов вошли российские и иностранные частные компании, а также серьезные госструктуры, однако с самого старта стройка почему-то начала испытывать острую нехватку средств. От крупного транша, перечисленного ВЭБом в рамках государственного софинансирования, уже через неделю волшебным образом почти ничего не осталось. Тендеры на поставки материалов и выполнение работ выигрывали не те, кто предложил лучшие условия, а какие-то неизвестные рынку конторы, причем почти всегда подобные поставщики после получения предоплаты безнадежно срывали сроки и серьезно подводили с качеством. Макс, номинально являясь руководителем всего проекта, по факту оказался не в состоянии ни отследить финансовые потоки, ни повлиять на итоги тендеров. На его неоднократные, иногда довольно эмоциональные обращения Дарганов реагировал всегда одинаково, лишь с небольшими вариациями: «Максим, к тебе абсолютно никаких претензий нет, более того — твоей работой я очень доволен... ГОК — лишь часть огромного бизнеса корпорации, и ее интересы порой требуют некоторых отступлений от принятых норм... Ты отлично вникаешь в дела — это для тебя хорошая школа, которая со временем поможет тебе подняться еще выше... Просто выполняй свои обязанности, а насчет результата не беспокойся. Результат будет...»

Между тем проект, столь помпезно стартовавший, грозил не сегодня-завтра превратиться в большой пшик и вызвать нешуточный скандал. В конце концов Макс надоело исполнять роль свадебного генерала при умирающей стройке, и он решил спокойно, без надрыва и эмоций, поговорить с шефом и спросить прямо, собирается ли тот вообще достраивать комбинат. И если да, то на какие деньги? А если нет, то как Дарганов намерен объясняться с инвесторами? Во втором случае немалое значение имел и вопрос о роли самого Макса при неизбежных проверках и расследованиях.

Внезапный вызов к шефу озадачил его — обычно все встречи, совещания, телеконференции назначались заранее, с точным указанием времени, темы и списка участников. Отправляясь в приемную президента корпорации, Макс захватил давно приготовленные материалы по комбинату, твердо намереваясь сегодня же выяснить все тревожившие его вопросы.

Однако начало разговора оказалось настолько неожиданным, что он сразу растерял всю свою решимость.

— Ну, я не знаю... — Макс на секунду задумался. — Пожалуй, Радченко можно поручить, он вполне...

— Вот и ладненько, — сразу согласился Дарганов.

Оторвавшись наконец от рассматривания московских видов, он развернулся, слегка прихрамывая (последствие случившейся шесть лет назад тяжелой травмы ноги, которую не удалось до конца залечить даже в дорогих европейских клиниках), пересек кабинет и уселся во второе кресло возле журнального столика. Специально предназначенный для неофициальных бесед тет-а-тет, этот уютный уголок, с элегантно стилизованным под старинный сейф мини-баром из красного дерева, индивидуальной подсветкой, нежно играющей на зеркальной столешнице, мягким ковром,

пейзажной картиной на стене (умиротворяющий расцвет в горах), совершенно не гармонировал с деловой функциональностью огромного кабинета.

— Радченко так Радченко. И то верно — парень молодой, грамотный, амбициозный. Небось мается, считает, что недооценивают его. А тут ты ему таким проектом порулить предложишь. Думаю, кипятком писать будет от счастья. Вот и пусть он пока займется, ну, первое время под твоим присмотром, конечно. А с тобой, Максимка, у меня давно уже серьезный разговор назрел. Я все повода ждал, и вот он, похоже, появился.

Макс с удивлением наблюдал, как Дарганов открывает мини-бар, поочередно достает и ставит на столик бутылку «Хеннесси», два пузатых бокала, тарелочку с нарезанным тонкими ломтиками лимоном. За все время работы в корпорации он не помнил ни одного случая, чтобы шеф позволил себе малейшее отступление от чисто делового стиля общения с ним в стенах офиса.

— Давай-ка, Максим, выпьем с тобой. Давненько мы не сидели вот так, за рюмочкой. Что-то вы с Викой совсем перестали приезжать, раньше-то, помнится, чуть не каждую неделю навещали, а теперь совсем забыли старика... Ну-ну, ладно, — прервал Дарганов начавшего было оправдываться Макса. — Это я так, ворчу под настроение. Так вот, давай-ка выпьем за тебя, Максим. За путь, в начале которого ты находишься, за то, чтобы этот путь оказался более прямым, чем у меня, да и многих моих приятелей-соратников.

Шеф сделал маленький глоток, явно смакуя любимый коньяк; Макс опрокинул свою порцию разом — сколько бы он ни пробовал различных недешевых крепких напитков, привычка пить все, как сорокаградусную водку, в один прием оказалась неистребима.

— Так вот, Максим, о чем я хотел с тобой поговорить. — Дарганов слегка поморщился, жуя ломтик лимона, и плеснул коньяка в пустой бокал зятя. — Ты работаешь у меня почти пять лет. С кого тут начал — сам помнишь, так что путь пройден немалый, почти с самых низов. Конечно, я за тобой смотрел, двигал тебя, иногда помогал советом. Но при этом каждый твой шаг вверх всегда был заслуженным: ты очень быстро обучался и на каждой должности со временем становился практически незаменимым. Так что, вопреки мнению некоторых завистников, которые шипят тебе вслед, что, мол, зятек вверх попер, — знаю, такие есть! — ты свой карьерный рост отработываешь честно.

Снова глотнув коньяка, Дарганов откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу, задумчиво глядя на янтарную жидкость в бокале.

— Знаешь, Макс, в моем положении страшнее всего ошибиться не в финансовом расчете или экономическом прогнозе — дороже всего обойдется ошибка в оценке людей. Тогда, под Казбеком, я не имел возможности к тебе присмотреться, да и не в состоянии был к кому-то присматриваться. Но чутье — то самое, что позволяет иногда с первого взгляда распознавать в людях своих и чужих — уже тогда подсказало, что с тобой можно иметь дело не только в горах. Поэтому, когда я узнал, что у вас с Викой кое-чего наклеивается... а узнал я это, можешь мне поверить, сразу же, — Дарганов хитро ухмыльнулся, — и, может быть, даже раньше вас самих... Короче говоря, едва узнав об этом, я почувствовал облегчение. Облегчение и надежду.

Допив коньяк одним большим глотком, он тут же налил себе почти полбокала, с чуть слышным кряхтением поднялся на ноги и медленно, с видом собирающегося с мыслями человека двинулся к окну. Макс наблюдал